

АНДРЕЙ МАЙДАНСКИЙ

Логика исторической теории Маркса: реформация формаций

Я буду рассматривать человеческие действия и влечения так же, как если бы речь шла о линиях, плоскостях или телах.

Спиноза «Этика»

I

Приступая к делу, историк имеет перед глазами необозримый массив документов и археологических данных, отчетливо сознавая, что все это лишь жалкие крохи исторической реальности. Можно и далее, до бесконечности, приумножать капитал исторических фактов, либо взяться за приведение в порядок уже имеющихся, либо... отвернуться от них, забыть их все на время, как поступил в своем «Капитале» Маркс. В первой главе «история» в обычном смысле слова — упоминания о событиях прошлого, ссылки на документы, даты и пр. — практически отсутствует. В списке действующих лиц здесь сплошь одни абстракции: товар, труд, стоимость и пр. Абстрактный пример с пшеницей, железом и ваксой трудно назвать историческим, ничем не лучше холст и сюртук. Лишь раз, просто для иллюстрации, блеснул «бразильский алмаз» — без малейшего влияния на дедуктивный ход мысли Маркса.

Это забвение исторического выглядит странным вдвойне, ибо в первых главах прослеживается *процесс развития, эволюция* товарного обмена. Отчего же Маркс избегает тут живой истории предмета? Где, в каких исторических источниках ему посчастливилось отыскать упоминания о развернутой и всеобщей формах стоимости? В примечании ко второму изданию «Капитала» Маркс сошлется на показания слепого поэта: «У Гомера стоимость одной вещи выражается в целом ряде различных вещей»¹, однако открыл он развернутую форму стоимости явно не в «Одиссее». Он вывел ее *чисто логически*, и лишь позже разыс-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 72.

кал историческое свидетельство ее реального существования, причем довольно сомнительное.

Дедукция форм стоимости начинается с понятия труда. Маркс определяет труд как «субстанцию стоимости» (Wertsubstanz), а товары — как «кристаллы этой общей им всем общественной субстанции»². *Субстанция подвергается анализу первой, до обращения к историческим данным, к эмпирии.*

Политическая экономия стала теоретическим знанием, научной теорией лишь когда ею была нащупана субстанция стоимости — человеческий труд (У.Петти, Б.Франклин и др.). Маркс распространяет «субстанциальное» понятие труда на историю человечества в целом: «*Вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом...*»³ К этому открытию Маркс шел, как известно, от Гегеля, и лишь потом (и потому) его интересы сместились в область политэкономии. Не Смит и Рикардо, а философ Гегель впервые «ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека как результат его *собственного труда*»⁴.

Историческая теория должна начинаться с вытяжки костного мозга истории — простого понятия труда. Для практических материалистов⁵ историческая действительность есть не что иное, как опредмеченный труд, а все данные природой условия труда, включая органические тела людей, суть лишь предпосылки и «исчезающие моменты» процесса труда.

Анализ истории товарного обмена, поскольку она частный случай, «модус» всемирной истории, также начинается с простого понятия труда. Первым делом Маркс различает всеобщие моменты субстанции — конкретный и абстрактный труд, потребительную и меновую стоимость, затем переходит к анализу стоимостных форм ее выражения. В процессе обмена товаров их простое *тождество*, или «эквивалентность», последовательно превращается в *различие* (развернутая форма стоимости) и *противоречие* (всеобщая форма стоимости), которое затем снимается в *основании*, принимающем форму универсального товара-эквивалента — денег. Тут перед нами словно оживают, обретая экономическую плоть, гегелевские *Wesenheiten*⁶.

Маркс не делал секрета из того факта, что его метод «восхождения от абстрактного» — простого понятия субстанции — к конкретному мно-

² Там же. С. 46. В оригинале: «Als Kristalle dieser ihnen gemeinschaftlichen gesellschaftlichen Substanz». По-русски нелегко передать различие *Gemeinschaft* — *Gesellschaft*, и наши переводчики «Капитала» решили его игнорировать, слив эти две категории в одну.

³ Там же. Т. 42. С. 126.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Так именуют себя авторы «Немецкой идеологии»: *praktischen* Materialisten, d. h. *Kommunisten*.

⁶ Рефлексивные определения сущности в «Науке логики»: тождество — различие — противоречие — основание.

гообразию исторических форм представляет собой материалистически переосмысленный метод Гегеля. Но если Гегель посчитал субстанцией Дух, то Маркс — Труд.

Что же сей метод дает историку? Позволяет разглядеть «геном» предмета — его «субстанциальные формы», скрытые в толще эмпирических данных. Эти формообразования сугубо логичны и вместе с тем историчны. Они демонстрируют логику исторического развития в чистом виде, свободном от случайностей, и абсолютно не зависят от достоверности исторических документов.

В простом понятии труда записан «генетический код» всемирной истории: характер и последовательность прохождения человечеством существенных стадий своей эволюции. Маркс сумел расшифровать фрагмент этого кода, относящийся к истории товарного обмена, и сделал несколько важных шагов к определению экономических формаций. Однако создать теорию формаций, сравнимую по стройности, строгости и полноте с дедукцией форм стоимости, Марксу, безусловно, не удалось.

«Формация» в отличие от «формы стоимости» остается у Маркса эмпирической абстракцией. Такие абстракции, несомненно, полезны для приведения в порядок исторических данных, но не включают в себе ни малейшего понимания логики развития общества. Марксисты еще доброе столетие раскладывали свои «пасьянсы» формаций, выискивая их кто в эмпирической истории, кто в текстах Маркса. Логически эти опыты представляют собой не что иное, как индуктивные обобщения, — в этом плане «формационные» «пасьянсы» не отличаются от «цивилизационных». Недостатки индукции хорошо известны: отсутствие полноты и строгой необходимости выводов плюс произвол при отборе опытных данных.

У дедукции тоже есть свой недостаток: ее выводы необходимы, но не новы. Формальная дедукция ограничивается анализом того, что дано в посылках. Однако это совсем не мало, когда исходное понятие — «большая посылка» теории — содержательно, в-себе-конкретно. Если труд действительно субстанция и субъект мировой истории, в его простом понятии и должна быть заключена *вся история*: смысл и код исторического процесса, так сказать, *historia sine factis* (история без фактов).

Дедукция позволяет понять логику истории в чистом виде, свободном от вмешательства случая и неисчислимых природных факторов. Марксова дедукция формы стоимости как раз и являет собой диалектический взгляд на временное «под формой вечности». Индуктивных периодизаций истории товарного обмена может быть сколько угодно, дедукция же форм стоимости из понятия труда — одна и только одна. Проблема численности форм стоимости в этом случае разрешается сама собой. Никому и в голову не приходит искать пятую или ставить под сомнение третью форму стоимости. Те четыре, что выводятся в «Капитале», *исчерпывают все возможные* варианты формообра-

зования стоимости. Именно так, единственно возможным и исчерпывающим образом, должна быть разрешена и проблема числа формаций, вокруг которой истматчики уже преломили столько копий и наломали дров.

Истинность дедуктивной истории обмена не зависит от наличия или отсутствия подтверждающих ее исторических фактов, поэтому ее нельзя опровергнуть или хотя бы усовершенствовать, открыв какие-либо новые, неизвестные Марксу факты. В этом смысле первая глава «Капитала» притязает на открытие *абсолютной истины* истории товарных отношений. То же самое может и должно быть достигнуто в теории формаций.

II

Начнем с самого простого: что такое труд? Хорошее, конкретное определение должно выражать причину вещи, как учил Спиноза. Последуем этому золотому правилу. Итак, почему человек трудится? Ответ ясен, как день: ради удовлетворения своих потребностей — поначалу чисто физиологических. Гегель именует их вожделениями, определяя труд как «сдерживаемое вожделение»; трудящийся человек (у Гегеля — Knecht, т. е. слуга или раб) не просто уничтожает внешнюю вещь, подобно животному, но созидает, или же «образует»⁷. Что же он образует? Во-первых, образуется особый предмет, удовлетворяющий потребность, — *потребительная стоимость*. Во-вторых, образуется *сам человек*⁸. Отсюда уже всего полшага до сакраментального: «труд создал человека»...

Коротко говоря, *труд есть опредмечивание потребности*. Благодаря труду субъективная форма потребности обретает форму предмета, объективируется. В физическом теле предмета труд запечатлевает идеальный образ человеческой потребности. Продукт труда являет собой в терминах «Капитала» *эквивалент* человеческой потребности.

Акт труда, понятый под углом его причины — потребности, «выступает как *производительное потребление*, т. е. как такое потребление, которое заканчивается не *ничем* и не простым субъективированием предметного [как у прочих живых существ], но само в свою очередь положено как некоторый *предмет*»⁹.

⁷ «Die Arbeit hingegen ist *gehemmte* Begierde, *aufgehaltenes* Verschwinden, oder sie *bildet*» (Hegel G. W. F. Phänomenologie des Geistes / Werke, in 20 Bde. Frankfurt am Main, 1979. Bd. 3. S. 154).

⁸ Комментарий А. Кожева: «Труд пре-образует Мир и образовывает, воспитывает Человека... Трудясь, он переступает через самого себя или, если угодно, воспитывает, „культивирует“, „облагораживает“ свои инстинкты тем, что сдерживает их. В то же время он не уничтожает вещь, не подвергнув ее переработке. Он откладывает уничтожение вещи, прежде пре-образуя ее трудом, он готовит ее для потребления, иначе говоря, он ее „образует“». (Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003. С. 33.)

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 252.

Перед началом труда органическая потребность существует двояким образом: реально, как физически ощущаемое состояние человеческого тела (например, голод), и в интенциональной форме предмета потребности (цель). Эти условия труда ничем не отличаются от естественных условий бытия всех живых существ. Особенность труда заключается в том, что он опредмечивает органическую потребность, а не просто погашает ее.

Вглядимся пристальнее в процесс труда: в каких формах он протекает? Нет смысла изобретать велосипед — Маркс досконально исследовал структуру труда в «Grundrisse».

1. При своем явлении на свет труд выступает как способность живого тела — *рабочая сила*, которой человек располагает от природы. «Эта предметность [труда] может быть лишь предметностью, неотделимой от личности, лишь такой предметностью, которая совпадает с непосредственной телесностью личности»¹⁰.

От животных способностей рабочая сила отличается своей универсальностью: отсутствие прирожденных человеческому организму схем труда позволяет человеку свободно придавать своей жизненной энергии любую диктуемую потребностью форму. Земледелие, строительство, рыбная ловля, ремесла — круг возможностей рабочей силы не ограничен, у нее бесчисленное множество степеней свободы. Рабочая сила — это «*просто труд*, абстрактный труд, труд абсолютно безразличный по отношению к своей особенной *определенности*, но способный к любой определенности»¹¹.

2. Следующая форма бытия труда — *живая деятельность*. «Труд не как предмет, а как деятельность; не как то, что само есть *стоимость*, а как *живой источник* стоимости»¹².

Из простой возможности труд превращается в реальный акт, в процесс поглощения наличного бытия всех предметов, которых он касается, включая и человеческое тело, в коем он обретался в виде рабочей силы. Последняя истощается в ходе труда, потребляется трудом так же, как всякая внешняя вещь. «Труд есть живой, преобразующий огонь; он есть брэнность вещей, их временность, выступающая как их формирование живым временем»¹³.

Живой труд не содержит в себе ни одного кванта вещности: это чисто идеальная форма бытия труда. Он существует лишь в самый миг воздействия руки, орудия на предмет и лишь в точке их соприкосновения, устанавливая между ними отношение равенства.

¹⁰ Там же. С. 246.

¹¹ Там же. С. 247.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 324.

О человеческой руке «можно сказать, что она *есть* то, что человек *делает*»¹⁴.

3. По окончании процесса труд «переходит из формы деятельности в форму предмета, покоя, фиксируется в предмете, материализуется; совершая изменения в предмете, труд изменяет свой собственный вид и превращается из деятельности в бытие»¹⁵.

Запечатлевший себя в предмете *опредмеченный труд* — таков третий всеобщий момент субстанции. В кристаллах застывшей лавы труда, как в зеркале, человек видит физиономию собственной потребности.

4. Последний шаг, очевидно, заключается в том, что труд возвращается в свое основание, к субъекту, в качестве приобретенного тем в процессе труда *знания и умения*, возросшей «трудоспособности» (*Arbeitsvermögen*). Круг формообразований труда замкнулся. Альфа и омега труда — субъект, человек. Труд кормит его физически и духовно, тем самым сохраняя и увеличивая его рабочую силу.

В каждом последующем акте труда живет и действует *дух* всех прошлых трудовых циклов. Если овеществленный труд, капитал есть «самовозрастающая стоимость»¹⁶, то труд вообще есть *самовозрастающая деятельность*. Трудясь, человек не только создает нечто, но еще и учится трудиться, приумножает свою производительную силу — искусство владения орудиями (включая собственное тело) и знание предмета.

Наконец, в процессе потребления продукта опредмеченный в нем, «мертвый» труд воскресает к новой жизни, доставляя субъекту силы и мысли, необходимые для новых актов труда. Потребление человеком продуктов труда протекает в созданной самим трудом форме; эта идеальная форма не исчезает вместе с натуральной формой предмета в процессе потребления, но оседает в душе человека в виде того, что мы называем культурой или образованием личности (*Bildung* в гегелевском смысле).

«Дельта труда», т. е. накопленный человечеством опыт трудовой деятельности, выражается категорией *идеального*. Если дельта стоимости, или прибавочная стоимость, есть чисто количественное (исчисляемое в единицах рабочего времени) приращение авансированной стоимости, то категория идеального описывает сугубо качественное усовершенствование процесса труда. В каждом новом трудовом акте *идеально представлена* вся прошлая история труда: на стороне даже самого плохого архитектора трудится *Weltgeist*, Мировой дух.

Итак, перечислим еще раз субстанциальные формы труда: рабочая сила — живая деятельность — вещь — знание.

¹⁴ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 4. С. 168.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 252.

¹⁶ В оригинале тут игра слов: sich selbst verwertenden Wert.

III

Спектральный анализ труда разложил его субстанцию на четыре абстрактно-всеобщих момента. Следующая задача заключается в том, чтобы, глядя на этот «геном» человеческой истории, определить число, последовательность и общие контуры ее макроформ — экономических формаций. Разумеется, таким образом можно указать только генетические, проистекающие из субстанции черты истории, в то время как география, климат, биохимические и прочие природные процессы запечатлели в ее внешнем облике множество посторонних следов, о которых мы можем судить лишь приблизительно, черпая сведения в исторических хрониках.

Формационный код истории так же мало похож на ее внешний, событийный вид, как генетический код живого существа — на его фенотип. Эмпирическая историография описывает и типологизирует фенотипические черты истории, не имея ни малейшего шанса отличить те, что проистекают из собственной природы общества — от возникающих вследствие воздействия на общество разнообразных внешних факторов.

Такие эмпирические абстракции, как первобытный строй и античность, Средневековье и феодализм, Возрождение, Просвещение и прочие помогают упорядочить факты, но не дают понимания их логической связи. И Марксовы экономические общественные формации — того же самого поля ягоды. Формации не выводятся им с логической необходимостью одна из другой, а лишь констатируются как эмпирически данные.

Опыт показывает нам временную последовательность исторических явлений, событий, в которой рассудок ищет сходства (эмпирические абстракции) либо тенденции и пределы (веберовские «идеальные типы»). Дедукция экономических формаций покоится на прямом анализе понятия труда, при полнейшем отвлечении от исторических явлений. Эти формации — не эмпирические абстракции и не идеальные типы, а *субстанциальные формы* исторических явлений. В них обнаруживается чисто логическая, вневременная структура истории общества. Такого рода логику Маркс открыл в истории товарных отношений. То, что было сделано им для одного из сегментов всемирной истории, нам предстоит выполнить для истории в целом.

Открытие формационного кода истории, разумеется, не заменяет и не делает лишним исследование исторических данных, фактов опыта. Напротив, оно доставляет логический инструментарий, необходимый для конкретного исследования любых исторических событий. Самая трудная задача, с которой сталкивается историк, — отделение зерен от плевел, т. е. отбор существенных, исторически значимых данных в колоссальном многообразии сведений о прошлом человеческих общностей и обществ.

«Отцы истории» в основном отмечали то, что больше всего бросалось в глаза: политические события и всякого рода экзотику. В основе их историй — взгляд обывателя, более или менее широкий и пронизательный. *Наука* истории, как каждая наука в подлинном смысле этого слова, начинается с размышлений над аксиоматикой, с осмысления принципов исторического исследования. Такую аксиоматику представляет собой и наша «история без фактов». Она дает историку метод для понимания логической связи явлений истории.

В основе данного метода лежит Марксова идея всемирной истории как «порождения¹⁷ человека человеческим трудом»: через разделение труда и его полное самоотчуждение вплоть до его освобождения, возвращения к своему субъекту и превращения в творческую самодеятельность личности. Отдельные нации и цивилизации могут, конечно, сбиваться с пути, кружить или где-то спрямлять дорогу, но человечество в целом следует логике Труда с той железной необходимостью, с какой Земля вращается по своей солнечной орбите. Так представлял себе дело Маркс, характеризуя историю общества как «естественноисторический процесс».

С помощью «Grundrisse» мы аналитически выявили четыре всеобщих момента процесса труда. Теперь нам предстоит увидеть, как они один за другим, в строгой очередности выступают на поверхность истории, обрастая живой плотью «феноменов» и превращаясь в «практически истинные абстракции»¹⁸. В каждую историческую эпоху один из абстрактных моментов субстанции делается ее полномочным представителем, подчиняя себе три остальных момента.

Подобную дедукцию исторических формообразований Маркс именует *методом восхождения от абстрактного к конкретному*. Согласно плану исследования капиталистической экономики в «Grundrisse» первый раздел предполагалось начать с «всеобщих абстрактных определений, которые поэтому более или менее присущи всем формам общества»: товары (меновые стоимости), деньги, цены. «Определение формы просто... Однако они *не положены* в этом определении». Историческое развитие капитализма Маркс изображает как воплощение в жизнь, или «полагание» этих всеобщих абстракций. Товарные отношения должны быть «положены как *производственные отношения*», ну а в заключительном разделе (о мировом рынке) «производство, а также и каждый из его моментов положено как совокупное целое»¹⁹.

Свой метод логического «расчленения предмета» Маркс позаимствовал в «Феноменологии духа»²⁰, равно как и сам термин «полагание»

¹⁷ В оригинале — «производства» (Erzeugung).

¹⁸ «Praktisch wahr Abstraktion» — термин из знаменитого введения к «Grundrisse».

¹⁹ Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 45, 173.

²⁰ См.: Майданский А. Д. Феноменология мировой истории: от Гегеля к Марксу // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. М., 2010. С. 541–549.

(Setzen). Мы, в свою очередь, воспользуемся данным методом в материалистической редакции Маркса.

Экономические формации суть не что иное, как абстрактные моменты труда, поочередно *полагаемые* им в качестве господствующих производственных отношений.

Дедукция экономических формаций, однако, не сводится к умозрительно-логическим выкладкам. Необходимо показать хотя бы контурно, насколько позволяют рамки журнальной статьи, как и почему одна формация превращается в другую, более высокую. При этом наше исследование смещается из чисто логической плоскости в конкретно-историческую. Логический анализ обязан показать историку направление и конечную цель поисков, но не вправе подменять собой конкретные исторические изыскания. Без логики историк слеп, логика без истории – пуста.

IV

1. В простом понятии труда мы нашли отношение человека к предмету и отношение к самому себе. Внешним предметом труда, его материалом и «природной лабораторией» является *земля* со всем ее содержимым. Труд есть деятельное присвоение человеком земли и в целом «неорганического тела» природы²¹. А свое органическое тело (не только морфологию, но и поведение, образ жизни) человек наследует от других людей, своих предков, образующих *историческую общность*, живой частицей которой является всякий индивид.

Способ присвоения условий труда (сначала природных, а затем и самим трудом создаваемых, искусственных) посредством отношения к другим людям, обществу Маркс именует «формой собственности». Как таковая собственность есть общественное отношение индивида к предметным условиям труда.

Взаимоотношения труда и собственности – первый критерий различения экономических формаций общества.

Труд есть субстанция и субъект отношений собственности, или их «субъективная сущность» (subjektive Wesen), как выражался Маркс. Так, в возникновении частной собственности Маркс видел внешнее выражение и следствие разделения труда. Характер отношений собственности, как и вообще любых общественных отношений, обусловлен уровнем развития труда, величиной и качеством его «производительных сил».

2. Другим критерием различения экономических формаций является *характер орудий труда*. Маркс не раз с одобрением цитировал определение человека, высказанное одним из отцов трудовой теории стои-

²¹ «Природа есть *неорганическое тело* человека... с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть». (Сочинения. Т. 42. С. 92.)

мости Б. Франклином в беседе с друзьями: человек есть животное, создающее орудия (a toolmaking animal). Приведя эту дефиницию, Маркс добавляет от себя: «Как останки костей животных позволяют палеонтологу воспроизвести их облик и образ жизни, так по останкам средств труда можно судить о характере общественных отношений». Экономические формации различаются средствами труда²². Зная, какие орудия преобладали в том или ином обществе, мы могли бы провести границы между формациями человеческой истории.

Еще в I в. до н. э. Лукреций Кар и Теренций Варрон дали периодизации человеческой истории по материалу орудий труда (каменный, бронзовый, железный века) и в соответствии с преобладающим видом труда (охотничья, пастушеская и аграрная эпохи). Маркс своей «орудийной» периодизации истории не предложил, ограничившись исследованием «системы машин», в которой он видел «наиболее адекватную форму капитала»²³. Мы постараемся восполнить этот пробел в теории экономических формаций.

3. Каждая формация ставит свой особый «акцент» в общей структуре труда — выдвигает на первый план какой-либо один из четырех простых моментов процесса труда. Субъективно эта акцентуация выступает как *экономическая цель труда*. Успехи в осуществлении такой цели приводят к превращению данной формации в более высокую — экономической революции, кардинально меняющей характер взаимоотношения труда и собственности.

Ну вот, теперь у нас достаточно инструментов для того, чтобы приступить к размежеванию экономических формаций всемирной истории.

Архаическая формация

«Die archaische oder primäre Formation» (архаическая, или первичная формация), как называл ее Маркс в набросках письма к Засулич, охватывает огромный период — многие сотни тысяч лет, от возникновения человеческого рода и до появления земледельческой общины, ставшей «последним словом *архаической общественной формации*»²⁴.

Казалось бы, странно — зачислить в одну формацию первобытное стадо и великие восточные цивилизации. Эмпирически у последних куда больше сходств с современной западной цивилизацией, нежели с горстками полудиких бродяг саванны. Маркс это, разумеется, видел. Фенотипическим сходством он сознательно пренебрег ради установления генетического единства.

²² Там же. Т. 23. С. 191.

²³ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 205.

²⁴ Там же. Т. 19. С. 418.

1. *Коллективная собственность на условия труда* – такова экономическая основа первичной формации на всем ее протяжении. Все без исключения формы собственности этой формации предполагают наличие *общины*, которая, как и сама земля, предшествует труду от природы. Это естественно сложившаяся, непрестанно видоизменяемая, но не созданная трудом форма общения: связь между индивидами задана тут как свойство их *органических тел* – биологическое родство, узы крови. Архаическая община действует как *единое коллективное тело*, со своими специализированными органами, и сама эта специализация обусловлена по преимуществу *свойствами тела*, такими, как пол и возраст, физическая сила и состояние здоровья.

Экономически единство общины состоит в том, что каждый индивид является и работником, и собственником условий и продуктов своего труда. Труд и собственность непосредственно тождественны.

В «Grundrisse» всячески подчеркивается телесный характер архаической собственности. Собственность, по словам Маркса, от природы дана индивиду так же, как его кожа или органы чувств – «как находимое им [человеком] в виде неорганической природы тело его субъективности»²⁵. Предметные условия труда и собственности «образуют, так сказать, лишь его удлинненное тело. У человека, собственно говоря, нет отношения к своим условиям производства, а дело обстоит так, что он сам существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно – в этих природных, неорганических условиях своего существования»²⁶. Архаическая собственность представляет собой *инобытие человеческого тела*, так же как труд поначалу есть лишь способность этого тела.

2. Архаические орудия разделяют «телесный» характер труда и собственности. Они представляют собой *непосредственное продолжение тела* человека – приводятся в движение энергией мышц, и производительная сила их определяется навыками движения органов тела. Копье, нож и лук охотника, плуг и мотыга земледельца, лошадь кочевника и лодка рыбака, молот и гончарный круг ремесленника – все это приложения к человеческому телу, приспособляемые к его возможностям и, в свою очередь, требующие от тела особой ловкости, искусства обращения с ними.

Человеческое тело – центральная ось, вокруг которой выстраиваются архаические процессы труда, а рука есть поистине «орудие орудий», *organum organorum*²⁷. Все прочие орудия труда образуют *периферию тела*: служат проводниками его энергии, усиливают его возможности и расширяют их круг.

²⁵ Сочинения. Т. 46. Ч. 1. С. 463.

²⁶ Там же. С. 480.

²⁷ «Рука человека – это *орудие орудий*, способное служить выражением бесконечного множества проявлений воли». (Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 3. С. 196.) «Как рука есть орудие орудий, так и ум – форма форм». (Аристотель. О душе. 432 а 1–2.)

3. Экономической целью архаического труда является опять-таки *воспроизводство человеческого тела*: производство потребительных стоимостей в объеме, достаточном для поддержания физического существования работников²⁸. «Земля кормит человека, но не обогащает его» (А. Гальбан Блюменшток).

При всей утилитарной ограниченности такой цели труда Маркс находит ее все же «более возвышенной» по сравнению с буржуазным миром, где цель производства — уже не сам человек, но «богатство» в его вещной, товарно-денежной форме.

Описание субстанциальных черт архаической формации — первый шаг к объяснению многообразия ее эмпирических форм. Вывести это многообразие из простого понятия труда невозможно по той причине, что оно обусловлено не только трудом, но еще и внешней природой. В архаической формации разнообразие общественных форм особенно велико, ибо труд совершается в своей «природной лаборатории», как любил называть землю Маркс. Это самые разные «экологические ниши», к которым человек вынужден приспосабливать всю свою жизнедеятельность, в том числе трудовую.

Первоначальные формы общения также еще не созданы трудом. Они частью унаследованы людьми от их животных предков, антропоидов, частью перенимались у других животных сообществ, прежде всего хищников саванны²⁹.

Становясь условием присвоения земли, форма общения превращается в форму собственности. Архаические отношения собственности поначалу сводятся к простому *владению* природными условиями труда. Для индивида это владение (землей, рабочей силой и самой жизнью) опосредуется формой общения, т. е. его отношением к другим членам сообщества. «Каждый отдельный человек является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена»³⁰. Доминирующей общественной связью являются отношения кровного родства. Труд видоизменяет, преобразует их, как любой природный материал, но создает их, ясное дело, не труд.

Своего наивысшего развития производительность труда и отношения собственности архаической формации достигают в *земледельческой*

²⁸ «Целью этого труда является не *созидание стоимости* — хотя они и могут выполнять прибавочный труд, чтобы выменивать для себя *чужие* продукты, т. е. прибавочные продукты, — но целью всего их труда является обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины». (Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 462.)

²⁹ См.: Schaller G. B. Are you running with me, Hominid? // Natural History, 1972. Vol. 81. No. 3. S. 60–68. Сходную, но еще более смелую гипотезу высказал Всеволод Вильчек. «Прачеловек» заимствовал у животных технологии деятельности и отношений к себе подобным. Жизнь по искусственным программам, «по чужому образу и подобию» и превратила его в существо культурное — человека. (Вильчек В. М. Алгоритмы истории. 3-е изд. М., 2004.)

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 463.

общине. По мнению Маркса, «в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»³¹.

Само по себе явление на свет частной собственности, однако, еще не означает, что переход ко вторичной формации уже произошел, равно как возникновение капитала, например, торгового или ссудного, еще не есть «капитализм» как экономическая формация. Эмбрион вторичной формации образуется лишь тогда, когда отношения частной собственности распространяются на *живой труд* работника (второй момент субстанции труда).

Из лона земледельческой общины в долинах рек развились древнейшие цивилизации — шумерская, египетская, индская, китайская, весьма схожие, если не родственные, в плане материальной культуры. Во всех господствовала *непосредственно-общая собственность* на условия труда, которую Маркс звал иногда «восточной», иногда «азиатской» формой собственности. Коллективное начало архаической собственности выражается здесь институтом государства, координирующим усилия множества общин для решения трудоемких экономических задач: ирригации полей³², мореплавания, ведения войн и пр. «Общие для всех условия действительного присвоения посредством труда представляются в этом случае делом рук более высокого единого начала — деспотического правительства, витающего над мелкими общинами»³³.

С внешней стороны дело выглядит так, будто государство в лице его правителей является собственником земли и даже рабочей силы (которой фараоны и лугали нередко распоряжались по своему произволу, что могло быть закреплено и в правовой форме). Фенотипически восточная форма собственности и впрямь очень походит на феодализм³⁴. Если же видеть во всемирной истории не деяния властей предрержащих или политико-правовую манифестацию «идеи свободы» (Гегель), а саморазвитие труда, в таком случае восточные государственные институты образуют не более чем *надстройку* на фундаменте непосредственно-общей собственности и «первой великой производительной силы» —

³¹ Там же. Т. 19. С. 404.

³² Макс Вебер усматривал «последнюю причину» могущества восточных правителей в «*общественно-хозяйственном труде сооружения каналов*». (Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 2001. С. 148.) Та же идея, в несколько гипертрофированном виде, легла в основу теории гидротехнического общества (Wasserbau Gesellschaft) К. Виттфогеля.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. С. 464.

³⁴ К примеру, Макс Вебер предлагал распространить понятие «феодализма» на вавилонские, египетские, спартанские и вообще все те социальные учреждения, в основе которых лежит выделение из общей массы населения господствующего слоя (Hegenschicht), живущего для войны и службы царю, и его содержание при помощи привилегированного землевладения. (Аграрная история древнего мира. С. 97.)

общины (Маркс). Архаический восточный правитель не частный собственник, не феодал, он — *персонафикация коллектива*, «олицетворенное единое начало общины».

Коллективное начало общины выражено тем мощнее и вещественнее, чем больше собственности нуждается в массовом совместном труде для ее практического использования. Напротив, там, где природные условия делают труд большого числа людей, работающих совместно, нецелесообразным, у общины не оказывается внешнего, сверхличного (в виде могущественных государственных институтов) существования по отношению к индивидам. Тогда ее единство сохраняется в вещах сугубо идеальных, как общий язык и память, обычаи и религия. Таким образом, в самых общих чертах экономически объясняется замеченная Монтескье взаимосвязь между природно-климатическими зонами и формой государственного устройства.

Не менее значительное воздействие экология оказывает на форму собственности. Переступая границы речных долин, земледельческая община теряет свою компактность и замечательную устойчивость. По мере того как процесс труда принимает все более индивидуальные формы, непосредственно-общая форма собственности мало-помалу рассеивается: развивается парцеллярная собственность, затем разлагаются на атомы все высшие слои общения (складывается полисная демократия и частное право) и мышления (возникает философия, эта первая сугубо личная форма бытия человеческого духа).

В «Grundrisse» Маркс нашел и описал две относительно чистые формы рассеяния «азиатской», непосредственно-общей собственности — античную и германскую, мимоходом упомянув славянскую форму собственности. Все эти формы он причислял к «историческому состоянию № 1» (*historischer Zustand No. 1*), или первой «исторической стадии» (*historische Stufe*) развития собственности³⁵.

Его указанием пренебрегли историки-марксисты М. Годелье, Э. Вельскопф, Ф. Тёкеи и др., взявшие эмпирические различия форм собственности за основу собственных версий теории экономических формаций, результатом чего стал безнадежный хаос типологий, дискредитирующий само понятие формации.

Избежать подобной путаницы историк может, лишь располагая пробным камнем, позволяющим отличить экономические отношения, с необходимостью вытекающие из природы человеческого труда, *положенные* трудом как таковым, от форм, продиктованных ему внешней природой, экологической нишей, в которой совершается труд. С должной строгостью провести такое разграничение без помощи понятия

³⁵ Werke. Bd. 42. S. 407. Рус. изд.: Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 489. Термин «общественные формации» (*Gesellschaftsformationen*) встречается в «Grundrisse» лишь в самой последней, оборванной автором фразе, в значении «систем производства» или «экономических систем» (на основе общинной собственности).

субстанции труда абсолютно невозможно. Многообразии эмпирических данных особенностей архаических форм собственности делает просто-таки неузнаваемым тождество их экономической природы.

Поскольку все эти формы обусловлены *природными* условиями труда, проще всего классифицировать их *топографически*, как это делает М. Вебер, выделяя речные, приморские и континентальные хозяйственные культуры (что примерно соответствует восточной, античной и германской формам собственности у Маркса). К этому списку нетрудно добавить культуры степные, горные, тропические и т. д.

Формы труда и собственности в этих природных зонах, разумеется, весьма и весьма различны. А вот формационный «генотип» всюду один и тот же: труд и собственность тождественны, у них один субъект — община, т. е. работники, связанные *телесным* родством; орудия труда представляют собой продолжения человеческого *тела*, конечная цель труда — получение средств для поддержания жизни *тела*.

Ключевые различия архаических форм собственности касаются следующего:

- а) имеет ли община предметное существование в отдельности от индивидов;
- б) протекает труд в совместной или индивидуальной форме;
- с) существует или нет частная собственность на предметные условия труда.

Требуется определить удельный вес этих различий в «эфире» субстанции: отвечает ли какое-либо из них различию всеобщих моментов труда (в этом случае мы имели бы дело с различными формациями) либо их следует отнести на счет внешних, природных условий его наличного бытия (тогда это лишь разные формы одной и той же, архаической, собственности, как считал Маркс). Ответ на этот вопрос может дать лишь специальное историческое исследование. Мы ограничимся некоторыми соображениями, почерпнутыми в «Grundrisse» и апеллирующими к самым простым историческим фактам.

Административные институты, обладающие автономной реальностью в отношении к работникам, вырастают там, где *природные* условия труда требуют соединения и координации усилий многих общин, совместного труда значительных масс людей. Тогда как, например, «у германцев, отдельные главы семей которых селились в лесах и были разобщены один от другого большими расстояниями... община существует поэтому на деле не как *государство*», а лишь в форме общих собраний³⁶.

В условиях северной природы (континентального типа) просто нет экономической надобности в таком колоссальном «наращении на экономическом строе» (Маркс), каким является восточная государ-

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 470.

ственность. Чем более индивидуальные формы принимает самый процесс труда, тем быстрее и легче складываются отношения частной собственности.

Весомый аргумент в пользу того, что появление частной собственности на землю было ответом общины на перемену природных условий труда, мы находим у Марка Блока. Описывая архаическую экономику юго-западного региона Европы, он замечает, что частная собственность на землю («система огороженных полей») складывалась на пересеченных местностях с малочисленным населением, в районах бедных почв и слабого, нерегулярного и экстенсивного освоения земли, в то время как «коллективное воздействие на пахотную землю» и непосредственно-общая собственность («система открытых полей», с запретом на изгороди и общинными сервитутами) сохранялись в наиболее плодородных зонах³⁷.

Таким образом, сама природа провоцирует индивидуализацию труда и, как следствие, дробление общинной собственности на землю. Но до тех пор, пока собственниками остаются сами работники, частная собственность не затрагивает *сущность* труда. Перемена экономической формации начинается с присвоения вместе с землей *живого труда* людей.

Вторичная формация

Архаическая формация ориентирована на воспроизводство тела как отдельных работников, так и коллективного «квазитела» общины. Совершенствование орудий и технологий труда рано или поздно делает это воспроизводство расширенным, в то время как размеры земельной собственности остаются практически неизменными. Образуется *излишек рабочей силы*, которую община не в состоянии эффективно использовать. Отношения коллективной собственности на землю превращаются в помеху для дальнейшего развития экономики.

Кризисы архаической экономики являются следствием *перепроизводства рабочей силы, человеческих тел* (подобно тому как капиталистические кризисы происходят вследствие перепроизводства меновых стоимостей товаров). Успешное выполнение миссии первичной экономической формации — производства самих работников — разлагает основание, базис этой формации — общину. Последней приходится исторгать из себя избыточную рабочую силу, выталкивая ее на новые территории или в другие сектора экономики. Строительство пирамид и гигантских храмов, великие переселения народов, освоение таежных и тропических лесов, высокогорья и заполярья — все это следствия повышения «кровенного давления» в теле общинной экономики. Так она пытается решить демографическую проблему, избавиться от «лишних людей»,

³⁷ См.: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. С. 101–104.

невысвобожденной рабочей силы, которую сама же община и производит на свет (такова цель архаического производства). Локальные демографические взрывы на фоне дефицита земельной собственности становятся в обществах первичной формации главной движущей силой экономического прогресса и вместе с тем причиной ее крушения и перехода архаических обществ к способу производства вторичной формации.

Термин «die sekundäre Formation» появляется у Маркса в набросках письма к Вере Засулич. В эту формацию он включает «ряд обществ, покоящихся на рабстве, крепостничестве»³⁸. Но и в «Grundrisse» Маркс постоянно рассматривал рабство и крепостную зависимость (обычно в связке) как *вторичные* формы собственности: «Рабство, крепостная зависимость и т. д. всегда являются вторичными формами» («и т. д.» означает любые формы собственности, в которых «сам работник выступает как одно из природных условий производства»)³⁹. Ниже мысль повторяется уже в развернутом виде: «Первоначальные формы собственности... существенно модифицируются в результате того, что сам труд причисляется к *объективным условиям производства* (крепостная зависимость и рабство), в силу чего простой положительный характер всех форм собственности, относящихся к состоянию №I, утрачивается и видоизменяется»⁴⁰.

Генетические черты обществ вторичной экономической формации таковы:

1. Экономической субстанцией является *частная собственность на чужой труд*. Рабочая сила отчуждается от ее природного субъекта, становясь собственностью другого субъекта.

Ясно, что это отчуждение может касаться лишь *живой деятельности* (второй абстрактный момент простого понятия труда), а не самой способности к труду. Последняя является неотчуждаемым свойством органического тела человека, в то время как *сам процесс* труда навязывается ему извне и распоряжается им другой человек. Работник превращается в орудие чужой воли — *человеческую машину*. «Как рабочая сила он является вещью, принадлежащей другому, и поэтому он относится к особому проявлению своей силы, то есть к своей живой трудовой деятельности, не как субъект»⁴¹.

³⁸ «Die Reihe der Gesellschaften, die auf Sklaverei, Leibeigenschaft beruhen». (Werke. Bd. 19. S. 404.)

³⁹ Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 485. В скобках Маркс уточняет, что было бы ошибкой искать вторичные формы собственности на Востоке, — это выглядит так «*только с точки зрения европейской*». Восточные общества с их «поголовным рабством» Маркс относил к формации архаической, отрицая наличие в этих обществах «частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей». (Т. 25. Ч. II. С. 354.)

⁴⁰ Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 490–491.

⁴¹ Там же. С. 454.

Тем самым прежнее *непосредственное тождество* труда и собственности (работники были субъектами отношений собственности, а собственники — работниками) превратилось в *противоположность*: работник не является собственником, а собственник не работает — одно исключает другое.

В образовавшуюся между этими полюсами экономического бытия трещину вклинивается *отношение присвоения чужой воли*. Это отношение становится первой чисто исторической (целиком искусственной, а не данной от природы) предпосылкой процесса труда. Как всякое общественное отношение, экспроприация воли есть форма труда, поэтому формула «собственник не работает» требует существенной оговорки: он *физически* не участвует в процессе производства материальных благ. Удел собственника — труд умственный (определение целей и технологий труда, санкций и стимулов), властвование и война.

2. Орудия труда вторичная формация в основном наследует от архаической. *Instrumenta muta* (земледельческий и ремесленный инвентарь) и *semivocalia* (домашние животные) не претерпели принципиальных изменений; *instrumenta vocalia* (рабы и некоторые другие виды экспроприированных работников) так или иначе использовались в экономике большинства архаических обществ.

Реальный, притом значительный, прогресс достигается в области *организации процесса* труда. Оторванный от своих вещественных условий — собственности, живой труд стал гораздо легче доступен делению и сложению (комбинированию). В эпоху вторичной экономической формации *живая деятельность* совершенствуется намного быстрее, чем материальные орудия.

Пионеры античной экономической науки, от Аристотеля до Колумеллы, посвящают свои труды поискам оптимальных форм распределения и использования трудовых ресурсов, рациональной организации хозяйственной деятельности вообще. В платоновской «Политии» разумное разделение труда — ключ к идеальному общественному порядку.

В трудах Е. М. Штаерман обстоятельно доказывается, что прогресс древнеримской экономики происходил почти исключительно благодаря усовершенствованию живых форм труда: «Орудия труда в общем эволюционировали не очень заметно... Развитие производительных сил, обусловившее подъем сельского хозяйства, шло не за счет развития техники, а за счет повышения квалификации работников и совершенствования их организации»⁴².

Штаерман демонстрирует это на примерах виллы и ремесленной мастерской: «Преимущества виллы... в том, что она позволяла осуще-

⁴² Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 103–104.

ствить простую кооперацию, поднимавшую производительность труда, а также наиболее целесообразно организовать труд рабов и установить известное разделение труда как между отдельными районами и хозяйствами, так и внутри отдельных хозяйств, что повышало квалификацию работников и углубляло их производственные навыки. [...]

Рабовладельческой вилле в сельском хозяйстве соответствовала в ремесле средней величины мастерская. И здесь мы видим, что развитие идет не столько за счет усовершенствования техники, сколько за счет известного примитивного разделения труда внутри мастерской и чрезвычайно дробной специализации»⁴³.

Широкая и умелая эксплуатация «человеческих машин» приводит к необычайно быстрому (в сравнении с архаическим обществом) росту материального богатства и высвобождает собственникам массу свободного времени для духовного труда. Как следствие, производительная сила общественного труда увеличивается на целый порядок.

3. Специфической экономической целью производства вторичной формации является *власть над людьми* — подчинение себе другого человека, присвоение чужой воли. Иначе говоря, на первый план в экономике выходят отношения *личной зависимости*.

В «Капитале» о средневековом обществе читаем: «Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни... Отношения личной зависимости составляют основу данного общества»⁴⁴. Ровно так же обстоит дело и в обществе античном. Феодалная и рабовладельческая формы собственности имеют одну общую основу, их базис — отношения личной власти, господства и подчинения.

При этом первичная цель — поддержание жизни тела, рабочей силы — естественно, не отменяется, а лишь уходит в тень исторически более высокой цели (Гегель сказал бы — снимается). То же самое происходит с архаическими орудиями: они действуют и совершенствуются на протяжении всей истории вплоть до нашего дня, однако уже во вторичной формации их затмевает более совершенное орудие труда — «человеческая машина».

Итак, *власть превращается в форму собственности*, т. е. становится экономической категорией и специфическим «производственным отношением» (личной зависимости).

⁴³ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 32–33, 37.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 87.

Применительно к феодальному обществу это обстоятельство постоянно подчеркивал в своих работах А. Я. Гуревич: «В самом деле, что такое власть сеньора над землями и людьми — факт политический или факт экономический? Альтернатива кажется ложной, ибо отношения власти и отношения производства были здесь неразрывны и едины⁴⁵». «В средневековую эпоху едва ли вообще существовали раздельно экономика и политика, собственность и власть — они образовывали недифференцированное единство»⁴⁶.

Полагаю, лучше все же назвать это единство *органическим*, четко дифференцируя при этом два его компонента: собственность и власть. Отношение между ними аналогично отношению стоимости и цены. Как цена является формой выражения стоимости, так власть — это *форма* собственности вторичной формации.

Первоначально эта власть, как правило, добывается силой в ходе войны. В «Grundrisse» война рассматривается как труд, производство: «война есть один из самых первоначальных видов труда»⁴⁷. Благодаря войне с ее «большим коллективным трудом» (*die große gemeinschaftliche Arbeit*) складываются условия возникновения буржуазной формации: внутри самой армии «такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., развились раньше, чем внутри гражданского общества. Также и отношение между производительными силами и отношениями общения особенно наглядно в армии»⁴⁸.

Для формации архаической война была наиболее эффективным решением проблемы свободных рук, средством избавления от «лишней» рабочей силы, которую общинная экономика непрерывно генерировала. Война, в отличие от земледелия, способна занять трудом (как собственно ратным, так и строительным, транспортным и др.) практически любое количество рабочей силы.

С началом вторичной формации человеческой истории война становится *господствующей формой производства орудий труда*, ибо в лице раба или крепостного присваивается не что иное, как орудие, хотя и весьма специфическое. *Военное предприятие* для захвата и присвоения чужой земли и живого труда населяющих ее индивидов столь же непосредственно выражает существо вторичной экономической формации, как охота, пастушество или земледелие, осуществляемое общиной на принадлежащей ей территории, — существо архаического экономического строя. Именно военное предприятие, а не римскую виллу или латифундию и не средневековый феодал надлежит изучать в качестве *простейшей*

⁴⁵ Гуревич А. Я. История — нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 201.

⁴⁶ Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 142.

⁴⁷ «Der Krieg ist daher eine der ursprünglichsten Arbeiten» (Werke. Bd. 42. S. 399.).

⁴⁸ Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 46.

экономической конкретности — живой клетки, заключающей в себе карิโอ-тип вторичной экономической формации.

Во всех обществах, покоящихся на отношениях личной зависимости, формы физического принуждения являются самой динамичной и развитой стороной экономики. Сложнейшие крепостные сооружения и осадные машины, изощренная тактика военных действий и техника владения оружием — мирная экономика вторичной формации не знала ни столь высоких технологий, ни подобных темпов развития. Земледелие и животноводство стагнировали веками.

Военное предприятие приобретает теперь абсолютно иную экономическую определенность, чем в архаических обществах: оно создает помимо потребительных стоимостей еще и *стоимость как таковую*, в лице раба, серва, крепостного. «В условиях рабства работник есть не что иное, как живая рабочая машина, которая поэтому обладает стоимостью для других, или, вернее, есть стоимость»⁴⁹. Он обладает потребительной стоимостью для его господина лишь в качестве источника живой деятельности и стоимости или же в качестве товара, меновой стоимости.

В общем, военное предприятие выступает как *обмен живого труда на живой труд*: неэквивалентный обмен меньшего количества рабочего времени одного вида (военного) на значительно большее количество универсального рабочего времени — то есть, в сущности, как *личное*, хотя и могущее принимать различные вещные формы, отношение. Легко убедиться, что и тут главенствует второй момент всеобщего понятия труда.

В древности ратный труд ценился как благородное занятие. «Такая война по природе своей справедлива», — писал Аристотель об «искусстве охоты» за людьми, которым самой природой предназначено быть рабами⁵⁰. А. Кожев в своих знаменитых гегелевских чтениях видел «первый набросок Индивидуальности» в военном служении (Dienst) феодала: «Воюя, Сеньор, как и Раб, *трудится*. Его Труд — это война; его ремесло — убийство»⁵¹.

Современные историки, как правило, не считают войну за труд в настоящем смысле слова, так как она не создает материальных ценностей (наоборот, уничтожает их и самих работников), тем самым теряя всякую возможность понять природу экономики вторичной формации. В исторической литературе постоянно говорится о *влиянии* войны на экономику и экономики на войну, словно это две разные «станции». Войну называют продолжением политики, хотя война существовала задолго до возникновения политики и политиков. На самом деле война относится к сфере производства, общественного бытия,

⁴⁹ Там же. С. 454.

⁵⁰ Аристотель. Сочинения. М., 1983. Т. 4. С. 389.

⁵¹ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. С. 157–158.

а не сознания, как политика. Что же такое она производит, помимо смерти и разрушений?

Обществам вторичной формации война доставляет средства производства — «живые машины». Античное или феодальное военное предприятие — это не столько охота, сколько *отрасль машиностроения*, «тяжелая индустрия» древнего мира.

Не менее ценным продуктом военного труда является производство *новых человеческих общностей*. Вообще говоря, всякий труд помимо материальных благ производит самого человека, формы человеческого общения и мышления. В эпоху вторичной формации военный труд — главный творец и новатор в части формирования общественных связей и институтов.

Феодальная экономика была создана войной⁵² и военизирована вся снизу доверху. Грандиозные империи вторичной формации создавались в столетиях войн. Государства Александра Великого и римлян, чингизидов и османов, Священная Римская, Российская и Британская империи — все это величайшие шедевры человеческого труда, прежде всего труда военного. Вместе с локальными политическими границами их строители сметали хозяйственные, этнические, религиозные и иные перегородки, разделяющие людей.

История вторичной экономической формации знает всего две сравнительно чистые формы собственности — рабовладение и феодализм. Все субстанциальные черты этой формации ясно просматриваются как в античном обществе, так и в средневековом. Остается понять, чем обусловлены различия между строем рабовладельческим и феодальным.

1. Первое различие касается характера присвоения чужой рабочей силы. Почти весь спектр состояний зависимости существовал уже в архаических обществах: от прямой и полной экспроприации работника до апроприации, выглядевшей со стороны как добровольное отчуждение им земли и части своих свобод в обмен на покровительство *власть* имущего. Менялся лишь удельный вес того или иного состояния в экономике: формы зависимости работника периодически то смягчались и усложнялись, то становились более прямыми и жесткими.

Градации личной зависимости во многом объясняются соображениями эффективности использования чужого труда в тех или иных природных условиях. Например, рабский труд малопригоден для зернового хозяйства⁵³, но является весьма эффективным для воз-

⁵² «Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в организации военного дела у варваров во время самого завоевания [ими римских земель]». (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 74.)

⁵³ «Применение рабского труда к производству хлебных злаков, поставленному на широкую ногу, оказывается... невозможным, так как античная земледельческая

дельвания плантационных культур. Отсюда понятно, почему, скажем, на севере Европы, где природные условия требовали интенсивной обработки земли, рабство попросту не могло существовать как эффективная система хозяйства. Там доминировали иные, косвенные формы личной зависимости, в частности феодальные отношения.

Да и внутри римской экономики рабский труд оказался выгоден не во всех отраслях сельского хозяйства: «Во времена Катона труд свободных батраков и издольщиков — политоров применялся в основном для старых, хорошо известных зерновых культур, тогда как для новых, интенсивных культур — винограда и оливок — использовались рабы»⁵⁴.

На характер отношений зависимости влияли и такие сугубо экономические факторы, как рыночная конъюнктура. В частности, Штаерман ссылается на исследование Р. Ремондона, согласно которому переход от рабства к колонату во многом был обусловлен узостью рынка и высокой конкуренцией провинций: «Виноградники и оливки перестали приносить доход, и землевладельцы вернулись к культурам зерновых, при которых „серваж“ был выгоднее рабства»⁵⁵. Подобные «флюктуации» отношений личной зависимости субстанцию труда никоим образом не затрагивают.

2. Второе различие заключается в том, что рабовладельческая экономика вырастает на почве античной формы собственности вследствие экспроприации собственности восточного образца (*ager publicus*), тогда как генезис феодальной формы собственности на Западе совершается уже *внутри* общества вторичной формации (римского), с использованием обломков его экономических и правовых форм.

Данное обстоятельство не доказывает, что феодализм образует отдельную формацию, свидетельствуя лишь о его кровном родстве с античным рабовладельческим строем. Сколь бы разительно ни отличались «физиономии» рабовладельческих и феодальных обществ, их экономическая «генетика» практически идентична:

- отчуждение живой деятельности работника от предметных условий труда, противоположность труда и собственности;
- приоритетное развитие живых форм труда и главенство труда военного;

техника требовала интенсивного труда; рабов можно было употреблять в крупном производстве с действительной выгодой только на хорошей почве и при низких рыночных ценах на рабов, и их применение обыкновенно означало переход к экстенсивному хозяйству». (*Вебер М.* Аграрная история древнего мира. С. 24.)

⁵⁴ Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. С. 103.

⁵⁵ Там же. С. 5. (Р. Ремондон — автор главы об античном мире в «Истории труда»: *Histoire du travail*. Paris, 1959.)

- отношения личной зависимости в основании экономики и власть над людьми как высшая субъективная цель труда.

В экономике личные отношения зависимости всегда скрыты под вещной оболочкой: раб или крепостной, как любая вещь, себе не принадлежит и наравне с вещами подлежит обмену или продаже. Феодалные же отношения личной зависимости вообще на всех уровнях опосредуются вещными отношениями (собственности на землю), практически сливаясь с ними, а работник превращается в элемент земельной собственности, *servus glebae* (категория римского права «раб земли»).

Эту вещную форму труда нередко рассматривают абстрактно, в буржуазном духе, вследствие чего, например, латифундия представляется подлинно капиталистическим предприятием, а сеньория — «как огромное предприятие... в котором заработная плата была обычно заменена предоставлением земли» (М. Блок)⁵⁶. На самом деле, несмотря на то, что слой вещных отношений на протяжении истории вторичной формации делается все толще, отношения личной зависимости до конца сохраняются в ее основе. Правоту этого суждения Маркса доказал на обширнейшем историческом материале медиевист А. Я. Гуревич. Его резюме гласит: «Сущность феодальной собственности на землю — это власть над людьми, ее населяющими; под вещной экономической формой кроется личное отношение»⁵⁷. Впрочем, отношения вещные, товарные, рано или поздно разлагали личные связи людей и вместе с ними саму вторичную экономическую формацию.

Капиталистическая формация

Наемный труд и капитал — торговый и финансовый — существовали уже в первых цивилизациях. Законы Хаммурапи определяют размеры заработной платы для разных профессий и категорий работников (отдельной строкой — при найме чужих рабов), условия кредитования, санкции для должников и пр. Наемный труд мы неизменно встречаем повсюду, где создаются и используются сложные механические сооружения (например, корабли) или действуют социальные мегамашины — государственные институты, армии.

Военное предприятие как субстанциальная форма труда вторичной формации *объединяет* внутри себя оба элемента капиталистической собственности — наемный труд и капитал, причем капитал выступает тут в своей *основной* форме, в форме орудий труда: военных машин и снаряжения. Война способствует сосредоточению общественного богатства в его денежной форме в руках немногих собственников, т. е. осу-

⁵⁶ Характерные черты французской аграрной истории. С. 117, 124. В данном случае мысль Блока движется в кильватере влиятельной традиции Э. Мейера и М. И. Ростовцева.

⁵⁷ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 23.

ществляет первоначальное накопление стоимости, требуемое для ее превращения в промышленный капитал. Война в изобилии создает свободные руки, создает *рынок труда*, разоряя огромные массы людей, и сама же многих из них трудоустраивает, доставляя им работу в качестве наемников.

В фундаментальном труде Л.П. Маринович прослеживается, как на протяжении всего лишь одного столетия товарно-денежные отношения прочно овладели древнегреческой армией, «превратив ее в одну из сфер приложения “капитала” и извлечения прибыли»⁵⁸. Меркантильные цели войны выходят на первое место, она становится «в какой-то степени финансовым мероприятием и с точки зрения планирования и осуществления военных действий». Армия делается теперь почти целиком наемной, причем удельный вес труда по найму в остальных секторах греческой экономики не идет ни в какое сравнение с удельным весом наемного труда в армии⁵⁹.

Аналогичную эволюцию претерпела и древнеримская армия в последние века Империи, и феодальная армия позднего Средневековья с ее кондотьерами и ландскнехтами. Во всех обществах вторичной формации военная экономика неизменно генерировала буржуазные отношения собственности, в расширяющихся масштабах приумножала капитал и наемный труд и накрепко спаивала их вместе.

Маринович, как практически все историки, исключает войну из сферы производства, усматривая в ней лишь «внеэкономическое присвоение собственности». Однако то, что историку буржуазной эпохи представляется внеэкономическим, являлось подлинной *сердцевинной экономикой* вторичной формации. И именно войне, военному предприятию история предназначила сделать господствующими буржуазные отношения собственности.

Как конкретно это происходило в обществе феодальном, повествует книга Вернера Зомбарта «Война и капитализм». Автор усматривает в развитии военного дела ту же самую закономерность, что и в эволюции «форм организации экономической жизни: от ремесленной к капиталистической» (заметим в скобках, что и Зомбарт вычеркивает войну как таковую из сферы экономической жизни). «Протестантская этика, — отмечает он, — буквально пропитана „духом милитаризма“. Проповедуемые кальвинистами и пуританами добродетели совпадают с милитаристским идеалом человека в стремлении „подчинить его целому высшему порядку“... *Лейтмотивом становится дисциплина*»⁶⁰. В труде Кальвин видит *служение и долг* человека перед Богом. Нарушение трудовой дисциплины и леность должны сурово караться, как измена солдата присяге или трусость в бою.

⁵⁸ Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 250.

⁵⁹ Там же. С. 270.

⁶⁰ Зомбарт В. Собрание сочинений. СПб., 2008. Т. 3. С. 279.

Между наемным трудом в армии и на фабрике также существует историческая преемственность. Отмечая, что «как явление наемничество уходит своими корнями в глубокое Средневековье, что оно, пожалуй, столь же старо, что и рыцарство», Зомбарт прослеживает, как армейские порядки перенимаются появляющимися на свет капиталистическими фабриками, и наконец приходит к выводу: «О том, что вовсе не экономическая жизнь отражалась тут на военной дисциплине, как обычно полагают закоренелые приверженцы материалистического понимания истории, свидетельствует временной порядок, в котором эти явления следовали друг за другом»⁶¹. Промышленность исторически рождалась из военного предприятия, вскармливалась войной и равнялась на армейские порядки, а не наоборот.

Марксистам, которые, подобно Зомбарту, сводят экономику к производству материальных благ, непросто парировать этот аргумент. А вот Маркс, как мы видели, саму войну считал видом труда, особой областью экономической жизни⁶². Взаимодействие войны и промышленности происходит *внутри* экономики, между разными ее секторами; это вовсе не детерминация экономики *извне*, духом армейской дисциплины, как изобразил дело Зомбарт.

Изменения, которые претерпевает субстанция труда в капиталистической экономике, заключаются в следующем.

1. Третий момент простого понятия труда — *опредмеченный труд, труд как вещь* — отделяется (Маркс говорил — отчуждается) от рабочей силы и живой деятельности и превращается в господствующий фактор общественного производства. Отношения людей в процессе труда при этом *овеществляются*, т. е. получают форму отношения вещей, товаров. Сам процесс труда выступает теперь как обмен товара «рабочая сила» на средства производства.

В буржуазном обществе созданные человеческим трудом вещи правят своими творцами, людьми. Капитал есть не что иное, как прошлый, овеществленный труд, господствующий над трудом живым и увеличивающий себя за счет поглощения чужого труда.

«Общественное богатство во все более мощных скоплениях противостоит труду как чужая и господствующая сила. Ударение ставится не на *опредмеченности* [овеществленности], а на *отчужденности* [*Entfremdet, Entäußert, Veräußertsein*], на принадлежности огромного предметного могущества, которое сам общественный труд проти-

⁶¹ Там же. С. 281.

⁶² В «Grundrisse» Маркс намеревался исследовать формирование капиталистических отношений в античной армии: «Когда труд есть наемный труд, а его непосредственной целью являются деньги, всеобщее богатство полагается как его, труда, цель и объект (*в связи с этим следует сказать о структуре античной армии, когда она становится наемной*)». (Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 169.)

вопоставил себе как один из своих моментов, — на принадлежности этого могущества не рабочему, а персонифицированным условиям производства, т. е. капиталу»⁶³.

В форме капитала созданное трудом предметное могущество, или опредмеченный труд, превращается из простого момента субстанции труда в ее полномочного представителя — полагает себя как *субъект* общественного производства в целом, выступая в отчужденной, обособленной от трех остальных моментов субстанции исторической форме. (Маркс исчерпывающим образом описал это овеществление и отчуждение труда, хотя порядком ошибся в оценке потенциала и прочности капиталистической формации и, что много серьезнее, в определении *средств* ее превращения в более высокую формацию.)

Субстанциальный принцип буржуазной экономической формации — *противоречие труда и собственности*.

Уже вторичная формация разорвала тождество труда и собственности и противопоставила их как две взаимно чуждые сущности: труд относится к создаваемой им объективности как к *чуждой* собственности, а эта собственность утверждает себя лишь посредством присвоения *чуждого* труда. Капиталистическая формация усугубляет это отчуждение, смещая противоположность труда и собственности *внутрь каждой из сторон*. Труд отчуждается теперь не только от собственности, но и от самого себя (противостояние живого и овеществленного труда); и то же самое раздвоение происходит с собственностью (собственник рабочей силы противостоит собственнику предметных условий труда). В логике такого рода «рефлектированная в себя» абсолютная противоположность именуется *противоречием*.

2. В самом процессе труда овеществленный труд начинает доминировать с появлением *механических машин*. Обретая форму машины, орудие труда перестает быть простым проводником человеческой деятельности и продолжением органов тела. Конкретная определенность труда, ради которой человек веками совершенствовал органы своего тела, переходит к машине: теперь «машина является виртуозом» (Маркс). Работник только обслуживает машину, его труд делается абстрактным.

Интеллектуальная деятельность по-прежнему противостоит физической, но теперь она выступает на стороне орудия труда — машины. Последняя получает преимущественное развитие в отношении к рабочей силе, овеществленный труд — в отношении к живому, а стоимость — в отношении к потребительной стоимости. В этом смысле капитал является экономическим выражением господства машин, а наиболее адекватной формой бытия капитала — «основной капитал».

⁶³ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 346–347.

«В системе машин овеществленный труд противостоит живому труду в самом процессе труда как господствующая над ним сила, каковою капитал в качестве присвоения живого труда является по своей форме. Включение процесса труда в процесс увеличения стоимости капитала в качестве всего лишь его момента также и с вещественной стороны обусловлено превращением средства труда в систему машин, а живого труда — всего лишь в живой придаток этой системы машин, в средство для ее деятельности. Знание выступает в системе машин как нечто чуждое рабочему, вне его находящееся, а живой труд выступает как подчиненный самостоятельно действующему овеществленному труду»⁶⁴.

В машинном производстве третий, вещественный момент простого понятия труда *положен* как главенствующий, «для себя сущий» субъект.

3. Целью капиталистического производства является приумножение богатства в его опять-таки *вещной* (товарно-денежной) форме. «Действительный производитель выступает как простое средство производства, а вещное богатство — как самоцель. Отсюда и развитие этого вещного богатства в противоположность человеку и за его счет»⁶⁵.

Сам по себе капитал — не вещь, и деньги тоже не вещи; то и другое суть общественные отношения господства вещей над людьми. Реальным содержанием этой отчужденно-вещной формы — как то всегда было и есть в истории человечества — выступает саморазвитие производительных сил труда.

Проблема определения форм капиталистической собственности остается открытой, поскольку ее история не завершена. Однако уже теперь можно указать по меньшей мере две достаточно чистые формы: классический буржуазный строй и государственный капитализм (социализм).

Мутация буржуазной экономики, вопреки пророчествам Маркса, продолжается по сей день, ее производительные силы неизмеримо выросли и темпы роста по-прежнему остаются высокими. В XX в. у «невидимой руки» рынка немалую часть работы (и власти) отняла «видимая рука» государства. На периферии капиталистического мира на свет появилась новая форма собственности, именованная социалистической.

Социализм начался с экспроприации средств производства в собственность государства. Экономическая субстанция капиталистической формации от этого ни на йоту не изменилась. Мечта Маркса «превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный»⁶⁶, сбылась с точностью до наоборот.

⁶⁴ Там же. С. 204–206.

⁶⁵ Там же. Т. 49. С. 92.

⁶⁶ Там же. Т. 19. С. 26.

В стране победившего пролетариата государство обратилось в *самодовлеющую машину*, сверхдержаву, ну а само общество — в ее живой придаток, в *коллективного пролетария*.

Вопреки иллюзиям социалистов, государственная монополия на средства производства ни в коей мере не упраздняет частную собственность. Напротив, возводит ее в степень всеобщности — создает, по выражению Маркса, «*всеобщую частную собственность*». Социалистическое государство есть не что иное, как «общественный капитал, *общество как всеобщий капиталист*»⁶⁷. При этом само же общество оказывается одновременно и в положении всеобщего пролетария. Процесс отчуждения собственности завершился, сделался абсолютным: отчуждение не распределяется больше между классами общества, но охватывает общество в целом, *in integrum*. *Реальный социализм есть абсолютный капитализм*.

Пролетарская революция устранила классовое неравенство людей, но отнюдь не сняла противоречие труда и собственности; напротив, каждый из его моментов получил форму всеобщности: теперь *каждый индивидуум* является и работником, и собственником предметных условий труда. Отчуждение не распределяется внешним образом между двумя классами людей, а целиком смещается внутрь каждой отдельной личности. Это предельная, законченная форма отчуждения человеческого бытия: человек как рабочий противостоит *самому себе* как собственнику. Он подобен товару, находящемуся одновременно в двух взаимоисключающих стоимостных формах — относительной и эквивалентной.

Под давлением данного противоречия социалистическое общество раслаивается на тех, кто работает, и тех, кто распоряжается собственностью. Пролетарский вождь представляет в своем лице все общество как товар, заполучивший функцию денег, представляет собой все прочие товары в качестве «всеобщего эквивалента». Фетишизм товаров в социалистическом обществе сменяется *фетишизмом власти*: государственный культ личности и безличности (партии) одолел рыночный культ наличности.

Облачение частной собственности в противоположную ей форму собственности коллективной, общественной, можно назвать ее *социалистическим псевдоморфозом*. На деле государственная собственность была и осталась *частной*: своим существованием она обязана разделению труда. Во всех без исключения обществах буржуазной формации государство — крупнейший собственник. Социализм превращает государственную собственность в *монополию*, только и всего. С характерной

⁶⁷ «Das gemeinschaftliche Kapital, die *Gemeinschaft* als der allgemeine Kapitalist». (Werke. Bd. 40. S. 535.) В русском издании «*Gemeinschaft*» переведено как «община» (по-немецки «*Gemeinde*») — вероятно, с целью помешать советскому читателю понять природу своего общества «по Марксу». (Сочинения. Т. 42. С. 115.)

для монополии «тенденцией к загниванию» и вырождением гражданского общества в «скотный двор».

Частную собственность революциями и диктатурами не уничтожишь — лишь усугубишь. Пока сохраняется разделение труда, в мире пребудет и его «консеквент» — частная собственность. А разделение труда прекратится не раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых оно дает достаточно простора, и не раньше, чем разделенный труд создаст материальные условия для всестороннего развития личности.

Современные технологии труда требуют в основном работников узкого профиля, экономический спрос на универсалов все еще сравнительно невелик. Очевидно, разделенный труд (и, как следствие, частная собственность) еще надолго останется необходимым обществу. А с ним пребудет и государство — институт-посредник, связующий узких специалистов при помощи других столь же узких специалистов (в области управления). Другим, конкурирующим, посредником является рынок, институт саморегуляции товарно-денежных отношений. Балансом власти этих двух сверхличных посредников определяется *форма* капиталистической собственности. Принципы *laissez faire* и госплана суть два крайних полюса этой формы, а между ними — вся палитра экономической реальности, нейтральных либо тяготеющих к одной из полярностей экономик. Противоречие (отчуждение) труда и собственности при этом обостряется или же притупляется, но никак не снимается.

Коммунистическая формация

Саморазвитие капитала, как отмечает Маркс в «Grundrisse», чревато противоречием: капитал увеличивает себя за счет присвоения прибавочного рабочего времени и при этом всеми силами стремится свести затраты рабочего времени к минимуму посредством автоматизации производства. Замещая абстрактный труд рабочего конкретным всеобщим трудом ученых и инженеров, капитал осушает источник собственного существования. «Капитал, таким образом, работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством»⁶⁸.

Стало быть, могильщик капитала — он сам, а не пролетариат. Скорее, это капитал сведет пролетариев в могилу. Стимулируя развитие высоких технологий, капитал вытесняет непосредственный труд из общественного производства. Сокращение количественной доли непосредственного (абстрактного) труда ведет к тому, что и «качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду»⁶⁹.

⁶⁸ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 208.

⁶⁹ Там же. С. 207–208.

Убивая свое альтер эго — абстрактный труд, капитал, как Дориан Грей, совершает самоубийство. Освобожденная капиталом сила всеобщего труда — «силы науки и природы» — не вписывается в буржуазную форму собственности и в рыночную экономику вообще. Затраты всеобщего труда нельзя измерить в единицах рабочего времени; частная собственность на продукты такого труда — идеи, знания — в принципе невозможна, ибо знания неотчуждаемы: приобретая и обменивая идеи, человек не отбирает их у другого человека и не теряет сам; закон стоимости (обмена эквивалентов) и принцип соответствия спроса и предложения в мире идей не действуют, лишены всякого смысла. Рыночная экономика поэтому не в состоянии эффективно регулировать производство и обмен знаний. Всеобщий труд разрушает основания рынка⁷⁰.

Товар «знание» вытесняет с рынка товар «рабочая сила». Пролетарий оказывается в *дефиците*, поэтому рабочая сила резко дорожает; капиталу приходится импортировать пролетариев из слаборазвитых стран либо самому перемещаться поближе к живому источнику своего бытия. Только ведь неиссякаемых источников не бывает...

Доля всеобщего труда в мировой экономике пока что не так уж велика — даже в самых технологически развитых странах мира она необратимо растёт. Растёт и сумма знаний, содержащаяся в каждом отдельном товаре; доля же абстрактного труда, наоборот, убывает. Рано или поздно настанет время, когда всеобщий труд сведет затраты труда абстрактного к исчезающе малой величине. Этот день, по-видимому, станет для рыночной экономики последним. Её всемирно-историческая миссия — удовлетворение материальных потребностей человека — окажется выполненной, а для удовлетворения потребности в знаниях рынок людям не нужен, попросту бесполезен.

1. Итак, в последней экономической формации всемирной истории на первый план выдвигается *знание и разум, духовный труд* (последний, четвёртый момент субстанции). История формообразования труда возвращается, в конце концов, в свое основание — к человеку. Это уже не тот физический субъект, что некогда положил начало истории, но субъект мыслящий, *homo intellegens* (человек знающий, «интеллигентный»).

Духовный труд Маркс называл «всеобщим», противопоставляя его труду частному и абстрактно-всеобщему. Субъект всеобщего труда «выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»⁷¹. В капиталистическом производстве впер-

⁷⁰ Подробнее см.: Майданский А. Д. Векторы и контуры общества знаний // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2005. № 2. С. 4–12.

⁷¹ Маркс К. Сочинения. Т. 46. Ч. II. С. 110.

вые в истории «всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] стало непосредственно производительной силой»⁷²; в коммунистической формации знанию предстоит стать *единственной* производительной силой и всеобщей формой собственности на условия труда.

Всю свою историю человечество приобретало и накапливало разнообразные знания. Однако никогда прежде знания и поставщики знаний, ученые, не управляли общественными делами. Да и качество имевшихся в распоряжении человечества знаний не позволяло эффективно справляться с такой задачей. В наше время уже очевидно, что человечество движется к *обществу знаний*. Знание — тот «ген», из которого разовьются не только новые технологии труда, но и совершенно новые формы отношений между людьми.

Труд ума несет на себе печать всеобщности и остается по сути своей коллективным, даже если ты трудишься в полном одиночестве⁷³. Если верна аксиома материалистического понимания истории, гласящая, что отношения собственности должны соответствовать характеру труда, то в обществе знаний на смену частной собственности придет *собственность коллективная, непосредственно общественная*. Именно такая форма собственности адекватна всеобщему труду, конкретно-всеобщему характеру умственного труда.

Чужая идея, как только ты ее понял, становится твоей собственной, переходит в твою личную и неотъемлемую собственность. И каждый мыслитель стремится сделать свои идеи общими для всех людей. В мире идей, знаний граница между «моим» и «чужим» не более чем условность. *Личная потребность* в тех или иных знаниях определяет характер их усвоения и присвоения. Здесь всегда, во все времена действовал коммунистический принцип «каждому по потребностям».

Распространение этой прирожденной духу общественной формы собственности на материальные условия и продукты труда станет возможным, когда в самом процессе труда конкретно-всеобщее возобладает над частным, абстрактным. Когда творческий труд *сведет на нет* труд механический, стереотипный и монотонный, заменив его действием иных сил природы. Не раньше.

Труд и собственность снова должны совпасть, слиться, но теперь уже на созданной самим трудом, общественно-культурной, а не естественно-природной основе. Работнику снова предстоит сделаться собственником предметных условий своего труда.

⁷² Там же. С. 216.

⁷³ «Что такое я сам? Что я сделал? — вопрошал себя Гёте. — Я собрал и использовал все, что я видел, слышал, наблюдал. Мои сочинения вскормлены тысячами разных индивидов, невеждами и мудрецами, умными и глупцами... Я часто снимал жатву, посеянную другими, мой труд — труд коллективного существа, и носит он имя Гёте». (Гёте И. В. Избранные философские произведения. М., 1964. С. 377.)

2. Орудия труда в экономике коммунистической формации действуют автоматически, они исключают «непосредственный труд» и более не зависят от физической рабочей силы человека. В компьютерный век куда легче, чем во времена Маркса, поверить в возможность тотальной автоматизации производства.

Автоматом Маркс называл машину, которая «сама себя приводит в движение», в то время как на долю человека остается деятельность «контролера и регулировщика». Он не мог еще, конечно, представить себе машину, которая сама себя контролирует и регулирует при помощи вычислительных устройств. В отношении к такому автомату человек — только *программист*.

Утописты хотели поставить на службу человеку социальные «мега-машины» — государство и рынок. Им казалось, что для этого достаточно политической воли партии и /или класса, какой-нибудь пролетарской диктатуры. Маркс, в отличие от Фурье и Прудона, признавал, что человеческой воле не удастся подчинить себе рынок — в силу имманентно присущей рынку анархии. Теоретики анархизма, в отличие от Мора и Маркса, понимали, что и государство сознательной регуляции неподвластно. Обе эти *машины отчуждения* поддаются программированию не более, чем каменный топор. Люди могут в лучшем случае корректировать «самодеятельность» государства и рынка. А вот сами люди, личности, программированию поддаются отлично. Государство и рынок с успехом уже не одно тысячелетие заставляют людей служить своим *сверхличным* интересам. Что и будет продолжаться до тех пор, пока их не вытеснят из общественной жизни *свободно управляемые* машины — программируемые автоматы, созданные всеобщим трудом. Машины, в которых личность впервые в истории сможет стать не винтиком, а творцом, «программистом». Информатика — азбука коммунизма.

3. Экономической целью труда в коммунистической формации является *развитие человеческой личности* — «богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека», по описанию молодого Маркса⁷⁴. Субъект процесса труда — человеческая личность — оказывается здесь и конечной целью этого процесса. Круг истории труда замыкается.

Коммунизм для Маркса есть процесс «обратного присвоения, отвоевания» человеком своей предметной сущности, противостоящей ему в форме капитала. Не ликвидация частной собственности на условия труда, как того требовали идеологи прежнего, уравнилельного коммунизма, но превращение всего накопленного частной собственностью «капитала» культуры в *личную, персональную* собственность каждого человека (Э. В. Ильенков).

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 123.

И в зрелые годы Маркс по-прежнему видит миссию коммунистического движения в формировании «богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве, и в своем потреблении»⁷⁵. Корни этого идеала гармоничной личности — умной, доброй, здоровой, трудолюбивой и с тонким чувством прекрасного — следует искать в трудах гуманистов эпохи Возрождения и еще глубже — в античной классике. Там же первоисток и коммунистической идеи сообщества свободных людей-творцов, и идеи свободного времени как условия подлинно человеческой жизнедеятельности — «досуга и вместе с тем времени для высшей деятельности»⁷⁶.

В этом смысле «коммунизм» есть историческое обещание античной мечты свободного человека, — как метко сказал Биргер Приддат в сборнике с не менее красноречивым названием — «Коммунистический индивидуализм Карла Маркса»⁷⁷.

В свободном обществе труд превратится в совместную (*gemeinschaftliche*) творческую самодеятельность и «экспериментальную науку»; богатство такого общества будет измеряться величиной свободного времени — «времени для свободного развития» человеческой личности. В созидании свободного времени Маркс видит и «главное назначение капитала»⁷⁸.

Маркс высоко ценил и любил цитировать слова анонимного автора памфлета «Исток и лекарство от национальных трудностей» (1821): богатство общества есть свободное время, и ничто более. Иногда Маркс пишет то же самое своими словами, а иногда — что «действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов»⁷⁹, и свободное время есть *мера* этого богатства.

Меж тем производительная сила *всеобщего труда*, безусловно, не может быть измерена временем — ни рабочим, ни даже свободным. Всеобщий труд производит знания, идеи, ну а идеи — вечны (теорема Платона) и выражают природу вещей «под формой вечности» (теорема Спинозы). Время — физическая категория, это мера процессов материальных. Всеобщий научный труд есть процесс идеальный, духовный. Возьмите «Капитал» Маркса или любой другой научный труд и попытайтесь оценить величину заключенного в нем богатства в единицах времени. С тем же успехом вы можете измерять глубину мысли в битах.

Правильнее было бы сказать, что свободное время — *предпосылка* развития производительной силы всех и каждого человека. Абсолютно необходимая, но далеко не достаточная. Освобождение времени предо-

⁷⁵ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 281.

⁷⁶ «Die freie Zeit, die sowohl Mußezeit als Zeit für höhere Tätigkeit». (Werke. Bd. 42. S. 607.)

⁷⁷ «Der „Kommunismus“ ist die geschichtliche Versprechung eines antiken Traumes des müßigen Menschen». (Priddat B. P. «Reiche Individualität» — Karl Marx' Kommunismus als Konzeption der «freien Zeit für freie Entwicklung» // Karl Marx' kommunistischer Individualismus. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. S. 129.)

⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. II. С. 509.

⁷⁹ Там же. С. 217.

ставляет личности лишь *абстрактную возможность* развития. Потратит она свободное время с пользой для себя или просто убьет его либо употребит во вред себе и обществу — бывает по-разному. Наличие свободного времени «открывает простор для свободной деятельности и развития»⁸⁰ и равным образом простор для безделья, пустых развлечений и злодеяний. Чем ниже культура личности, тем большую опасность представляет для нее и для всего общества избыток свободного времени.

Всеобщий труд питается свободным временем, заполняя его «интенсивнейшим напряжением» духа и тела; тем самым он превращает свободное время в рабочее и наоборот, практически *снимая само различие* времени свободного и рабочего. Только так и может произойти реальное снятие разделения труда.

В «Grundrisse» Маркс размышлял о необходимости «уничтожения противоположности между свободным временем и рабочим временем»⁸¹ и фактически решил эту проблему, пусть и не сформулировал это решение с надлежащей теоретической прямотой. От примитивного решения проблемы разделения труда, предложенного некогда авторами «Немецкой идеологии», в «Grundrisse» не осталось и следа. Простая перемена видов деятельности — с утра ловил рыбу, днем пасу скот, а «после ужина предамся критике» — Маркса уже не удовлетворяет. Сам процесс труда должен претерпеть радикальное изменение. Силы природы должны заступить место рабочей силы пролетария, «прекратив такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека»⁸². Иначе говоря, до тех пор, пока в общественном производстве сохраняется вещный, нетворческий труд, разделение труда снять нельзя — попросту невозможно. А значит, и отношения между людьми останутся вещными, товарно-денежными, и не исчезнет власть вещей над людьми, а овеществленного труда — над живым.

Частная собственность уступит свое место общественной не раньше, чем завершится революция производительных сил, благодаря которой на долю человека останется сугубо индивидуальная, творческая деятельность, а все механические операции превратятся в дело техники. До тех пор пока в силу несовершенства технологий труда люди вынуждены заниматься тем, что в принципе могут делать и вещи, живой человеческий труд пребудет во власти овеществленного труда, капитала. И человеческая личность, увы, останется лишь служанкой созданных ею вещей.

Разделение труда приносит человечеству великую пользу, расслаивая процесс производства на абстрактную, механическую и — конкретную, творческую деятельность, благодаря чему перед человеком открывается возможность передать всю механическую работу авто-

⁸⁰ Там же. Т. 26. Ч. III. С. 264.

⁸¹ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 509.

⁸² Там же. Т. 46. Ч. I. С. 280.

матической технике и силам природы, сохранив за собой сугубо всеобщий, творческий труд. А вместе с этим исчезнет, сотрется граница между свободным и рабочим временем, ибо это разделение времени надвое есть прямое следствие разделения труда. *Все* мое время становится свободным, включая и ту его часть, которую я отдаю труду, коль скоро сам труд превращается в способ творческой самореализации моей личности. Всеобщий труд не только сберегает рабочее время, но и освобождает его — делает человека свободным *во время* труда, превращая сам процесс труда в наслаждение, если не в смысл жизни. Такой труд создает не только полезные вещи, но и ту самую «богатую индивидуальность», которая является целью общественного производства коммунистической формации.

Знаменитое рассуждение Маркса о материальном производстве как «царстве необходимости», где человек несвободен *der Natur der Sache* («по природе вещей») ⁸³, не имеет ничего общего с диалектикой. С чего бы это свобода и необходимость разбрелись по разным царствам? В таком случае *разделение труда* на свободный и необходимый оказывается извечным и неустранимым. Не свобода *от* необходимости или *по ту сторону* необходимости, но *свободная необходимость*, *libera necessitas* (Спиноза) — такова формула диалектики. Необходимый труд должен сделать себя свободным, а свободный — сделаться необходимостью, внутренней потребностью и смыслом жизни каждого человека.

Понятие свободы «по ту сторону» необходимости не в ладах и с материализмом. Где она обретается, эта потусторонняя свобода? В сфере материального производства человек обречен остаться навеки скованным нуждой и внешней целесообразностью — остается предположить, что «истинным царством свободы» Маркс именуется сферу духа, общественного сознания. Лишь тут развитие человека является самоцелью, в то время как в экономике наша свобода сводится к «общему контролю» и «наименьшей затрате сил». Похоже, сознание оказывается чем-то много большим, нежели просто осознанным бытием...

А ведь в молодости Маркс видел в материальном производстве *родовую жизнь* людей, «самодетельность, свободную деятельность» (*die*

⁸³ «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе». (Там же. Т. 25. Ч. II. С. 386–387.)

Selbsttätigkeit, die freie Tätigkeit), которую отчуждение труда принижает «до степени простого средства, тем самым превращая родовую жизнь человека в средство для поддержания его физического существования»⁸⁴. Нигде в его «Парижских рукописях» нет и следа отношения к материальному производству как к низшей сфере человеческого бытия, лежащей вне, по ту сторону истинного царства свободы.

Собственно говоря, сам Маркс и показал, как возможна в экономике истинная свобода: для этого непосредственный процесс производства надлежит превратить в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку»⁸⁵. Организация производственного процесса должна стать *научным экспериментом*, который в случае успеха продолжается уже автоматически. Тем самым всеобщий труд практически освобождает рабочее время, преобразуя материальное производство в прикладную науку — царство *свободной* необходимости.

Логично предположить, что и управление экономикой перейдет при этом от «невидимой руки» рынка, денег и безличных структур государства к людям науки и подчинится их *разуму и знаниям* подобно явлениям внешней природы.

V

Подведем итоги. Ориентируясь на простое понятие труда, мы нашли четыре экономические формации, каждая из которых *полагает* один из моментов субстанции труда в качестве господствующего отношения людей в общественном производстве. Для каждой формации мы определили особое, для нее характерное отношение труда и собственности (непосредственное тождество — противоположность — противоречие — конкретное тождество), специфический тип орудий труда (телесные — человеческие — механические — автоматические) и высшую экономическую цель (производство тела — власти — товаров — знаний). Как мы имели случай убедиться, характер отношений собственности, орудий и цели труда в каждой экономической формации прямо и непосредственно определяется общей структурой труда и изменяется в соответствии с логической последовательностью моментов субстанции труда. Наконец, мы показали в самых общих чертах, как и почему происходит смена формаций.

При выборе аксиоматики и метода исследования мы равнялись на труды Маркса и вообще многое заимствовали в его исторической теории — вплоть до наименований экономических формаций. Даже критикуя Маркса, мы руководствовались его собственным практически материалистическим и диалектическими принципами.

В свете проведенной нами дедукции экономических формаций требует уточнения известная триада Маркса: «личная зависимость — вещная

⁸⁴ Там же. Т. 42. С. 94.

⁸⁵ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 221.

зависимость — свободная индивидуальность». Отношениям личной зависимости человека от человека исторически предшествовала *естественная зависимость* человека от природных условий труда (включая и общину как данную от природы форму связи людей). Лучшее из этого показал сам Маркс.

В обществах архаической формации людьми еще правит природа; в экономике вторичной формации одни люди правят другими, принуждая трудиться; в капиталистической экономике вещи правят людьми; коммунистический человек управляет собою сам при помощи разума и знаний. Трудиться его побуждают не природные потребности, не воля других людей, не сверхлические (вещные) силы рынка и государства, но его личная, внутренняя потребность в труде.

С превращением «человека физического» в «человека разумного» экономическая субстанция всемирной истории вся целиком выступила наружу, *положив* себя в качестве практически истинной абстракции. Каждый из ее четырех моментов оставил в истории свой «оформленный отпечаток»⁸⁶. Сняты все исторические преграды для свободного течения труда от одной всеобщей его формы к другой, и выяснилось, что простой логический чертеж субстанции труда передает общие контуры высшей формации человеческой истории. «Все определения робинзоновского труда [то есть абстрактные общие определения труда, безразличные к его историческим формам. — А. М.] повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе»⁸⁷.

Труд, завершивший цикл исторического возвращения к своему субъекту через полное отчуждение и овеществление, можно определить как *абсолютный труд*. Он выковал форму собственности, адекватную его простому понятию, и, тем самым, сделался свободным. Мы не знаем и не станем угадывать, каковы могут быть конкретные исторические формы этой общественной собственности. Так или иначе, ее идеальная кристаллическая решетка, образуемая четырьмя моментами субстанции труда, сумеет придать веществу человеческой истории надлежащую форму.

Уже на заре цивилизации, вызвав к жизни теоретическое знание — *науку*, труд обрел наивысшую, конкретно-всеобщую форму своего бытия. Полный и окончательный триумф науки в сфере материального производства исчерпает возможности формообразования субстанции труда, сняв отчуждение труда от человеческой личности и покончив с его разделением на труд материальный и духовный, необходимый и свободный. С прекращением коллизии труда и собственности завершится *материальный пролог* его «восхождения к конкретному». Мировая история продолжится уже в ином, *идеальном* плане, в эфире научного знания. Но это уже совсем другая история.

⁸⁶ Термин «Феноменологии духа»: *gestalteten Abdruck*.

⁸⁷ *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 88.*